

Е.В. Селина*

СВОБОДА ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация: Свобода оценки доказательств как принцип уголовного судопроизводства, определяющий тип уголовного процесса, обеспечивающий достижение истины по уголовному делу со времен принятия Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года. Значение исторических преобразований императора Александра II – судебной реформы 1864 года для уголовного судопроизводства России на протяжении 150 лет. Совершенствование этого принципа оценки доказательств в течение указанного периода, но в основном анализ норм УПК РСФСР 1960 г. и действующего УПК РФ 2001 года. Определение и анализ насущных проблем теории доказательств в современном уголовном процессе РФ. Методология, основанная на диалектическом материализме, сравнительном правоведении, историческом методе, изучении судебной практики, судебной статистики, законов и законопроектов. Проблема в том, что в соответствии с действующим УПК РФ факты фигурируют в уголовном деле лишь благодаря отражающим их источникам доказательств. Для отражения логики доказывания специальных источников не предусмотрено. Проблему современного доказательственного права составляет отсутствие механизма отражения в доказательствах целенаправленной деятельности по поиску и формированию улик на фоне развития законодательства, допускающего самостоятельную поисковую деятельность (защитников, частных детективов, оперативных сотрудников).

Ключевые слова: свобода оценки доказательств, формальная теория доказательств, логика доказывания, формирование улики, наводящие вопросы, промежуточный факт, относимость доказательств, допустимость доказательств, достоверность доказательств, критерии оценки доказательств.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.6.10889

Свобода оценки доказательств – важнейшее достижение человечества, до избрения которого государство не могло полноценно обеспечивать справедливость признания лица виновным в совершении преступления. В очевидных случаях, когда обвиняемый признавал свою вину, судопроизводство достигало своих целей. Но запутанные происшествия, разнообразные с точки зрения их подробностей, зачастую не могли быть достоверно исследованы. Поэтому формальной теории доказательств, предшествовавшей теории свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей, сопутствовали пытки. В Российской империи пытки были запрещены с 1801 года, и вплоть до принятия Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года проблему составляла судебная практика, вен-

чавшаяся не признанием обвиняемых виновными и не оправданием их, а таким «фиаско» в деле установления объективной истины по уголовному делу, как оставление обвиняемых под подозрением.

Одним из выразительных свидетельств духа преобразований, привнесших свободу оценки доказательств по внутреннему убеждению судей в отечественную теорию доказательств, могут служить слова Л. Е. Владимилова, который в предисловии к третьему изданию своего «Учения об уголовных доказательствах» писал следующее: «Когда я был на третьем курсе юридического факультета, обнаружены были незабвенные Судебные Уставы 20 ноября 1864 года. Крепостное право было уже упразднено, земство призвано к деятельности, и император Александр II успел

© Селина Елена Викторовна

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Российский университет дружбы народов
[elena_selina@bk.ru]

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

**Материалы Международной научно-практической конференции
«Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной
150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи.**

обновить Россию и другими своими многосторонними улучшениями. ... С каким обожанием изучались новые, священные для нас, памятники законодательных преобразований, можно судить хотя бы по тому, что я знал наизусть многие страницы из мотивов к Уставу уголовного судопроизводства. Один из этих мотивов мне показался заветом, который я должен непременно исполнить. Говоря о принципе внутреннего убеждения, как критерии судебной достоверности, вместо отмененной формальной теории доказательств даровитые творцы нового уголовного суда высказали надежду, что и у нас, как в Англии, со временем выработается на практике своя теория доказательств, и что в этом деле «придет на помощь судье и наука»¹.

С тех пор принцип свободной оценки доказательств царит в отечественном уголовно-процессуальном праве лишь с редкими перевесами в сторону формальной теории доказательств (во времена сталинских репрессий). В УПК РФ 2001 года данному принципу посвящена отдельная статья.

Статья 17 действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации носит название «Свобода оценки доказательств». Согласно этой статье:

«1. Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

2. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы».

К этому принципу относится и статья 88 УПК РФ «Правила оценки доказательств», согласно которой «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела».

«Формула» свободы оценки доказательств широко известна. Остановимся лишь на некоторых ее аспектах.

Принцип свободы оценки доказательств призван обеспечить получение достоверных знаний об обстоятельствах преступления, соответствующих реальной действительности, а не какой-либо формальной схеме. Иначе говоря, этот принцип способствует установлению обстоятельств в точном соответствии с тем, как все происходило на самом деле. За счет чего это достигается?

Во-первых, критерием оценки доказательств провозглашено внутреннее убеждение судьи, присяжных заседателей, а также прокурора, следователя и дознавателя, основанное на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, законе и совести, то есть *на проявлениях практики*.

Так, доказательства фиксируются в соответствии с правилами практической достоверности и допустимости, они тщательно проверяются, исходя из правил коллективного опыта, накопленного правоохранительными органами. Закон содержит достоверные пути получения информации, обеспечивая основы достоверности доказательств через требование их допустимости, которая, в свою очередь, оценивается судьями на практике, а не является застывшей формулой. Совесть также является проявлением практического опыта.

Во-вторых, запрещено придание доказательствам заранее установленной силы. Это не позволяет судить об относимости, достоверности и допустимости доказательств до практического опыта исследования этих доказательств, исходя лишь из наименования их источника (например, речь идет о заключениях экспертов, данных авторитетным экспертным учреждением и учреждением с меньшим авторитетом).

В-третьих, в предусмотренной уголовно-процессуальным законом системе видов доказательств заложены все информационные каналы, признанные современным обществом в качестве достоверных. И следственные действия, и доказательства, основанные на применении научно-технических средств, и другие виды доказательств совершенствуются по мере развития достижений науки, техники, общественного опыта.

В-четвертых, относимость доказательств оставляет за рамками судебного рассмотрения данные о репутации обвиняемого (для подтверждения факта совершения преступления) и прочее, не относящееся к делу, и позволяет выстроить индивидуальную, неповторимую систему доказательств, в которой достоверность знания обеспечена, в числе прочего, самими системообразующими свойствами ее элементов (связями доказательств).

Выделим главное из того, что принцип свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению судей, следователей, прокуроров, дознавателей (далее – внутреннее убеждение судей) привнес в уголовное судопроизводство, помимо рассмотренной формулы.

Первое. Свобода оценки доказательств предполагает законодательное обеспечение условий для формирования *индивидуальной логики доказывания* по каждому конкретному уголовному делу.

¹ Владимирова Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. С. 3–4.

Л. Е. Владимиров писал: «Правила о том, как должны быть собираемы доказательства и как ими следует пользоваться судьей, для того чтобы он мог вернейшим путем достичь истины в деле исследования прошедшего факта, составляют содержание логики уголовного процесса. ... формальная теория доказательств создавала какое-то искусственное убеждение для судьи. Неверность этого метода слишком очевидна, чтобы распространяться о ней. Установление факта есть дело логических операций, а не законодательных велений»².

Правила формальной логики, используемые судьями, привнесли в науку уголовного процесса вопросы аналогии, гипотезы, абстрагирования, индукции, дедукции. (Отсюда «дедуктивный метод» как квинтэссенция истинного расследования).

Логика уголовного процесса по конкретному делу включает в себя цепь умозаключений, соответствующих всем канонам формальной логики, однозначно приводящую к выводу о виновности или невиновности обвиняемого. Например, по конкретному уголовному делу об убийстве могут быть не обнаружены ни тело убитого, ни орудие убийства, ни похищенные у потерпевшего вещи («три кита» формальной теории доказательств). Но это компенсируется рядом улик (свидетельскими показаниями очевидцев убийства, данными осмотра места происшествия со следами убийства, заключениями экспертов – медиков и биологов о механизме уничтожения тела убитого, «криминальной осведомленностью», обнаружившейся в показаниях обвиняемого и др.). Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном законом, толкуются в пользу обвиняемого. Таким образом, презумпция невиновности неразрывно связана с принципом свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению судей.

Обобщающий этап доказывания может включать в себя *формирование улик*.

Второе достижение принципа свободы оценки доказательств, таким образом, – законодательно регламентированная и научно обоснованная возможность формирования улик по уголовному делу. Улики – это промежуточные факты, установленные обвинительными косвенными доказательствами³.

Промежуточный факт – это факт среднего звена в системе доказательств, он находится между доказательственными фактами, све-

дения о которых черпаются из конкретных доказательственных источников (низовой уровень), и искомыми фактами, подлежащими доказыванию по уголовному делу и определяемыми материально-правовыми нормами (высший уровень системы). Так, промежуточный факт нахождения обвиняемого на месте преступления во время преступления выводится из множества доказательственных фактов, таких как встреча обвиняемого со свидетелем, оставление им на месте преступления следов обуви и прочее. Этот факт является уликой, например совершения кражи (искомое). И этот факт обнаружен. Но возможно и *формирование улики* путем грамотных действий следователя.

Формальная теория доказательств знала только путь от источника к улике, но не обратный путь (от улики к ее источнику). Возможны ситуации, при которых удастся обнаружить мало улик. Законодательство, основанное на формальной теории доказательств, возможные пробелы доказательственной базы восполняло пытками.

Свобода оценки доказательств сама по себе не дает гарантий от скудости зафиксированной доказательственной базы, но оставляет возможность для формирования улик. Теперь возможен путь от улики к ее источнику. Например, следователь в ходе допроса демонстрирует, что готовится обыск в доме допрашиваемого. Последний бросается перепрыгивать вещественные доказательства, спрятанные на приусадебном участке. Следователь, предварительно логически просчитавший возможность данной улики (того факта, что обвиняемый перепрыгивает вещи), рефлексивно управляет поведением обвиняемого и тем самым формирует улику и фиксирует ее в соответствующем источнике доказательств (протоколе следственного действия).

На получение улик поведения (улик осведомленности обвиняемого) рассчитано следственное действие, последним пополнившее арсенал действующего УПК РФ, – проверка показаний на месте. Это следственное действие, предусмотренное в свое время еще проектом УПК РСФСР 1960 года и не принятое в нем, долго ждало своего часа, будучи очень востребованным на практике и сопряженным с проблемами непринятия его одними судьями, принятия в качестве следственного эксперимента – другими, полного признания третьими. Можно предположить в дальнейшем рождение и других следственных действий, нацеленных на формирование улик поведения. «На месте» можно проверять и показания потерпевшего или свидетеля.

Формирование обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, возможно не

² Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. С. 84; 86.

³ См.: Хмыров А. А. Проблемы теории доказывания. Краснодар, 1996. С. 18–19.

только как улики поведения, но и как эпизодов преступления в результате оперативно-розыскных мероприятий. Использование в доказывании по уголовному делу результатов оперативно-розыскной деятельности – одна из первоочередных проблем, свойственных современному уголовно-процессуальному праву. При этом важны следующие принципы.

- 1) Основания к действиям, формирующим обстоятельства, имеющие значение для дела (контрольным закупкам, оперативным экспериментам), должны быть представлены в суд с необходимой конкретизацией во всех отношениях.
- 2) Не допустимы обман, введение в заблуждение, наводящие вопросы и действия.
- 3) Результаты этих действий должны быть зафиксированы с учетом того, что они являются итогом поискового действия, то есть «от задачи – к итогу».

Проблему современного доказательственного права составляет отсутствие механизма отражения в доказательствах целенаправленной деятельности по поиску и формированию улики на фоне развития законодательства, допускающего самостоятельную поисковую деятельность (защитников, частных детективов, оперативных сотрудников).

Последнее важно и при собирании доказательств следователем. Например, следователь оказался в офисе, где работает подозреваемый, в момент попытки уничтожить важные документы. Следователь прогнозировал это действие после намеренной передачи обвиняемому определенной информации. Как это отразить? Следователь не имеет права давать показания. Логика расследования, включающей цели процессуальных действий и промежуточные выводы из их результатов, он нигде не отражает – ни в протоколах следственных действий, ни в обвинительном заключении. Совпадение во времени появления следателя в офисе и действий обвиняемого по уничтожению документов со стороны не понятно и не объяснимо. Часто подобные совпадения обвиняемые пытаются объяснить незаконными действиями против них. Однако прокурор должен быть в курсе всего произошедшего, чтобы представить всю картину хотя бы в судебных прениях. С этим связана еще одна проблема современного уголовно-процессуального доказывания.

Англосаксонское право допускает наводящие вопросы в суде. Наводящие – это вопросы, содержащие в себе ответы по модели «Не правда ли, что ...?». В ходе судебного разбирательства прокурор, выстраивая свою позицию, включает в вопрос необходимость неудобных обвиняемому сравнений, объ-

снений поведения после совершения преступления и т. д. Это становится содержанием доказательств.

В уголовном процессе Российской Федерации логика доказывания, основанная на абстрагировании от источников доказательств, демонстрируется лишь в судебных прениях сторон в качестве выводного знания. Ни следователь, ни адвокат не могут быть свидетелями. Хотя практика идет по пути дачи показаний в качестве свидетеля, например, защитником обвиняемого по вопросу о нарушениях закона, допущенных следователем в ходе следственного действия, в котором этот защитник участвовал. (Следует согласиться с тем, что данные вопросы не входят в предмет адвокатской тайны.)

Но для включения в исследуемые судом показания (свидетелей, потерпевших, подсудимых) логики доказывания обвинителя и защитника возможен лишь один путь – законодательное допущение наводящих вопросов в суде. Однако важно то положение, согласно которому рассматриваемые «наводящие» вопросы на самом деле являются лишь их разновидностью, которую можно назвать «выводящими вопросами». Их логика такова: «Получается, что все происходило следующим образом ...?» Но нельзя озвучивать *доказательственные факты*, которые не исследованы в судебном следствии на момент, когда задается вопрос. На последнее рассчитан запрет наводящих вопросов в ходе предварительного расследования (ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

Судья вправе сослаться в приговоре лишь на то, что было непосредственно исследовано в судебном следствии, то есть на доказательства. Логические цепочки, выстроенные сторонами защиты и обвинения, судья излагает в приговоре, если полностью принял их как свои. При этом законодательство об источниках доказательств небесспорно в своей полноте. С этим связаны проблемы сравнительного осмотра, очевидных фактов, фактов, общеизвестных специалистам.

Так, если при осмотре выявлено различие между визуально разными (красный – синий, большой – маленький) предметами, то кто должен сказать об этом для занесения в протокол следственного действия. Эксперты отказываются отвечать на вопросы, не требующие специальных познаний. Следователь не вправе делать выводы в своих протоколах следственных действий. Может ли судья делать выводы на основании того, что исследовано его личным опытом (увидено им) в ходе судебного следствия, но никем не озвучено и не включено в протокол судебного заседания? По действующему УПК РФ – не может. Очеви-

ден ли факт, был ли он очевиден следователю, осматривавшему вещественные доказательства, которые впоследствии утрачены? Все это не может быть положено в основу приговора, если не была проведена какая-нибудь «натяннутая» экспертиза по очевидным вопросам или если следователь не расширил свои права, зафиксировав в протоколе следственного действия свой вывод. В последнем случае судья также оказывается перед дилеммой: признавать или не признавать сравнительный вывод, сделанный в протоколе осмотра, допустимым доказательством.

Проблема в том, что в соответствии с действующим УПК РФ, факты фигурируют в уголовном деле лишь благодаря отражающим их источникам доказательств. Для отражения логики доказывания специальных источников не предусмотрено. Конечно, хорошая обвинительная доказательственная база должна «вещать» о виновности обвиняемого без особых расшифровок. Но это не всегда возможно в случаях с запутанными происшествиями. Другая проблема – факты без доказательств. Это и непосредственно обстоятельства, освобождаемые от доказывания (относиться ли к ним очевидные факты?), и обстоятельства, дающие основание для толкования неустрашимых сомнений в них в пользу обвиняемого (системообразующие факты), доказательства

которых признаны недопустимыми (возможно, по вине следователя). С последними связана проблема «асимметрии» правил о допустимости доказательств.

Иногда сама жизнь формирует новые обстоятельства, имеющие значение для квалификации преступлений, после поступления уголовного дела в суд. Это «отсроченные последствия» преступления.

Например, уже после поступления в суд уголовного дела о причинении вреда здоровью потерпевший теряет слух, зрение, способность ходить или умирает. Правила действующего УПК, вплоть до стадии возобновления уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, не позволяли включить эти новые обстоятельства в предмет доказывания, если они дают основание для отягчения предъявленного обвиняемому обвинения. Изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 26.04.2013 № 64-ФЗ, обеспечили решение данной проблемы. Теперь для изменения предмета доказывания ввиду наступления новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, предусмотрено возвращение уголовного дела прокурору судом любой инстанции.

Библиография:

1. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула: Автограф, 2000.
2. Хмыров А. А. Проблемы теории доказывания. Краснодар, 1996.

References:

1. Vladimirov L. E. Uchenie ob ugovolnykh dokazatel'stvakh. – Tula: Avtograf, 2000.
2. Khmyrov A. A. Problemy teorii dokazyvaniya. Krasnodar, 1996.

Материал поступил в редакцию 30 января 2014 г.